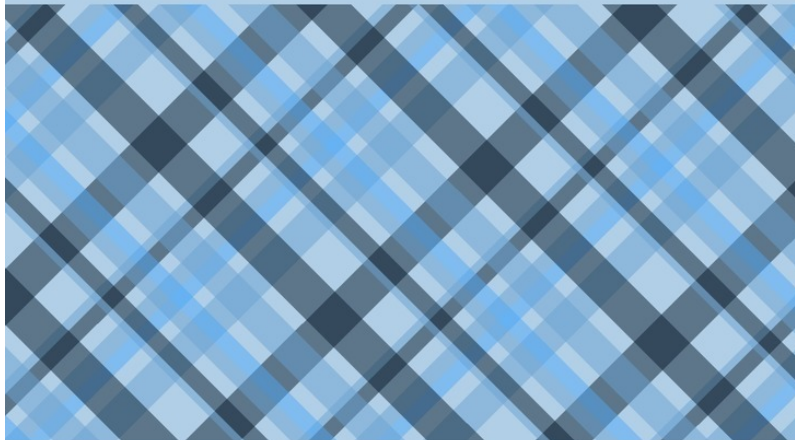

Андрей Шкарубо

**СРЕДИ
НЕХОЖЕННЫХ
ДОРОГ...**

Андрей Шкарубо

Среди нехоженых дорог...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17191674

ISBN 9785447448820

Аннотация

Действие пьесы происходит в психиатрической лечебнице в 50 километрах от Москвы летом 1985 года, в начале горбачевской перестройки. Смысловое ядро пьесы представлено в форме платоновских диалогов, ведущихся между двумя основными персонажами: просветлённым и молодым человеком сложной судьбы и неистребимой тяги к Истине, желающим понять устройство общества и мира и своё место в них.

Содержание

Акт 1	6
Утро в палате – «Шпион»	6
Сцена в столовой – Амнезия	20
Сцена во дворе – Диалектика	26
Акт 2	59
Сцена в палате – Витя «валютчик»	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Среди нехоженых дорог...

Андрей Шкарубо

*Тем, кто в поисках Истины проходит через
Смерть – посвящается*

© Андрей Шкарубо, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора:

Автор не несёт никакой ответственности за политически некорректные поступки и высказывания персонажей его пьесы: действие её происходит в психиатрической клинике в 50 километрах от Москвы летом 1985 года, в начале горбачевской перестройки.

Автор хотел бы пояснить тем, у кого возникнет впечатление надуманности, искусственности сюжета – мол, не станут двое людей, очутившись в дурдоме, столь глубоко обсуждать вопросы философии, бытия и политики; мол, в психбольнице у них и своих проблем более чем предостаточно, чтобы ещё обсуждать проблемы человечества.

Тем, у кого возникнут подобные возражения, автор напоминает: персонажи его пьесы не нормальные, здоровые

члены общества, а личности, в чьей психике обнаружены серьёзные отклонения: навязчивая, болезненно-патологическая тяга к некой «Истине», безразличное отношение к собственной судьбе и благополучию, и, наконец, неуважительное отношение к власти и собственному государству.

Господа-бывшие товарищи, будьте снисходительны к моим персонажам – ведь это больные люди, к тому же живущие в России, стране, где вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» извечны...

Акт 1

Утро в палате – «Шпион»

Бачков, медбрат (симпатичный, высокий, спортивного вида мужчина 30-ти лет):

Подъём! Вставайте, придурки, быстро убрать кровати, одеться, умыться... Воронин, кончай дрочить, вставай драить пол!

Воронин (крупный мужчина лет тридцати с лишним):
Обижаешь, начальник, я ж играю утреннюю побудку!

Имитирует звук горна.

Общий смех, затем кто-то: Он не встанет, пока у него стоит!

Бачков: Воронин, я кому сказал? Быстро швабру в руки!

Воронин, громко выпустив газы, и вызвав тем самым новый смех: Извини, начальник, но драить пол – не дрочить, тут нужна очередь!

Бачков: А чья очередь?

Воронин: Видишь в углу нового придурка?

Бачков, обращаясь к Андрею: Это тебя вчера вечером менты доставили? Зовут Андрей?

Андрей (парень 27 лет): Да.

Бачков, протяжно свистнув: Я только что читал твои бумаги, это правда? Там написано...

Андрей в полголоса: Не смотри, что пишут – смотри, что делают...

Бачков: Да? Ну, честно говоря, я повидал достаточно, чтобы не совать свой нос не в свои дела. Короче, мистер Шпион, сегодня ваша очередь мыть полы. Вот, получите ведро и швабру.

Саша (парень 27 лет с внимательным, настороженным взглядом, характерным для бывалого зека), наблюдая за неуклюжими движениями моющего, спросил негромко: Первый раз?

Андрей: Не совсем. Четыре года назад проходил эксперти-

зу в московском дурдоме на улице 8-го Марта.

Саша: За что?

Андрей: За посольство США...

Саша: Хотел эмигрировать?

Андрей: Не совсем, это длинная история...

В.В. (Виктор Васильевич – худощавый симпатичный мужчина 45 лет с необычайно живыми глазами): Для того у нас и дурдома, чтобы любую длинную историю сделать короче. А раз уж ты идешь, как я понял, по списку КГБ, то твои визиты сюда неизбежно станут регулярными: партийный съезд, игры доброй воли или, как сейчас, международный фестиваль молодежи..., словом, добро пожаловать, граждане клеветники, отщепенцы и изменники!

Саша: Да, братан, надо было на этот период свалить куда-то из дома.

Андрей: Я не знал, вернее, меня уверяли, что если я буду сидеть тихо и не высовываться, то всё забудется, и меня оставят в покое.

В.В.: Ну, рассчитывать на такие заверения крайне наивно. Они никогда не забудут, и уж тем более не оставят в покое. Ведь они этим живут.

Андрей: Почему? Разве в их интересах плодить себе врагов?

В.В.: «Друзья – враги» – это детские понятия из розового мира Романтизма. В сумрачном же мире политики есть лишь понятия «полезно-бесполезно», им и оперируют взрослые дяди. И если в тебе найдут хоть какой-то прок, то на тебя тут же навесят ярлык «друг» или «враг» – это в зависимости от того, как им тебя будет удобнее эксплуатировать. И им абсолютно наплевать, на чьей ты стороне и за чью команду будешь играть, главное – чтобы принимал их правила игры, а уж поиметь они тебя всегда поимеют.

Андрей, с вызовом: Это почему же?

В.В.: Потому что, в чьей бы команде ты ни был, как хорошо бы ни играл, бить в конечном итоге приходится в одни ворота.

Тупиков (пожилой степенного вида мужчина), ухмыляясь: Виктор Васильевич у нас философ. За философствования сюда и угодил.

В.В.: Да нет, я не философ. Я долго занимался йогой, пока не достиг просветления, потом написал книгу...

Тупиков: Теперь психиатры пишут на неё рецензию, а там, если автор не угомонится, глядишь, и «издатель» гонорар отвалит. И будете вы, Виктор Васильевич, жить, как у Христа за пазухой, в Сычевке или Казани, на вечной койке.

В.В.: Ну, я, Николай Иванович, ни от тюрьмы, ни от сумы никогда не отказывался. А потом писать можно и на вечной койке.

Андрей и Саша дружно хмыкнули, после чего Саша заметил: За твою пургу, Витя, тебе такой режим там пропишут, ты не только писать – читать разучишься.

В.В.: Насколько я знаю, Порфирий Иванов, когда сидел в Казани, имел возможность писать свои вещи.

Саша: А это кто?

В.В.: Русский народный целитель, йог.

Тупиков: Виктор Васильевич, Иванов не мешал народное целительство с политикой.

Саша: У меня кореш недавно вернулся с Казани, говорит, мужик, который пытался стрелять на Красной площади в Брежнева до сих пор сидит в одиночке. Братва несколько раз пыталась передать ему хотя бы папиросы – менты, суки, ни разу не дали.

Андрей, удивлённо: Он до сих пор сидит? Ведь это уже больше двадцати лет...

Саша: А ты что хотел? Вечная койка...

Мрачное молчание прервал появившийся в дверях Бачков:
Завтракать, придурки!

Первым с весёлым воплем с койки вскочил Воронин. В дверях он получил от Бачкова пинок под зад, настолько увесистый, что другой бы упал, но Воронин лишь в очередной раз громко выпустил газы и понёсся к столовой, декламируя стишок Винни Пуха: «Я тучка, тучка, тучка, я вовсе не медведь...»

Остальные, посмеиваясь, покинули палату не спеша. В палате остались лишь Виктор Васильевич и Андрей, который продолжал мыть пол.

Андрей: А вы что же не идете завтракать?

В.В.: Я питаюсь раз в день.

Андрей: Ах да, вы же йог. Я сам уже 15 лет занимаюсь йогой, прочёл массу книг по этой тематике, и вообще по эзотерике...

В.В.: Ну, такая тематика в нашей стране существует только в самиздате. У тебя есть возможность доставать такую литературу?

Андрей: Нет, просто я знаю английский и у меня есть возможность просиживать массу времени в библиотеке иностранной литературы.

В.В.: Да, второй язык – это вторая жизнь.

Андрей: Я, честно говоря, хотел сказать, что не представляю, что такого можно написать в области йоги, за что власти могли бы упечь в дурдом.

В.В.: Ну, во-первых, и в области йогических знаний есть немало такого, что, по мнению наших властей, знать простым смертным не положено, прежде всего, потому, что эти знания можно использовать для контроля над сознанием.

Собственно, для этого в ГБ и был создан оккультный отдел.

Андрей: Даже так? Хотя, почему бы нет, учитывая, что они у нас в каждой бочке затычка.

В. В. Конечно. А как ещё ты объяснишь тот факт, что все наши подпольные и полуподпольные группы по индийской йоге, китайской йоге, восточным единоборствам и вообще эзотерике контролируется ГБ, а в некоторых случаях ими же и ведутся?

Андрей: Вы хотите сказать, что укрываются эти группы не столько от властей, сколько от людских глаз?

В.В.: Разумеется!

Андрей: А цель – контроль и модификация поведения?

В.В.: И это тоже. Ты, кажется, действительно в теме: быстро схватываешь.

Андрей: Да, я читал кое-что о цеэрушных программах в этой области и созданных для этих целей оккультных сектах. В демократической стране это трудно утаить.

Ну а что такого в этой области написали вы, что ГБ решило вас сюда упечь?

В.В.: Как раз в этой области я ничего ещё не написал. Посадили меня за то, что я создал новую диалектику, и с помощью этой методологии дал анализ текущему моменту и прогноз на будущее, предупредил о полном распаде политической системы, которую они почему-то называют коммунистической, а также предупредил о последствиях, которые могут произойти, если режим, цепляясь за власть, станет использовать существующие методики контроля и манипуляции общественным сознанием.

Андрей: Понятно. Не понятно только, какое отношение ваша диалектика, пусть даже новая, имеет к йоге, ведь диалектика, если не ошибаюсь, это раздел философии?

В.В.: Самое прямое.

Андрей: И всё же – извините меня за дотошность: до меня многое доходит как до жирафа, с запозданием – но мне тут непонятны две вещи: что общего у йоги и диалектики, и какие прогнозы можно давать на основе диалектики?

Насколько я понимаю, максимум, что мы можем с её помощью давать – это объяснения процессов и явлений, да и то *post factum*.

То, что происходит у нас на глазах, так сказать здесь и сейчас, я уже не говорю о будущем, либо не имеет никаких объ-

яснений, либо объяснения эти подобны перлам нашего научного коммунизма: то есть, в теории отсутствует научный подход, а то, что мы имеем в реальной жизни, так сказать на практике, не то, что коммунизмом – социализмом не назовёшь.

В.В.: Да, маразм в теории – это фашизм на практике. Именно поэтому я и создал новую диалектику: постулатов старой для понимания современной картины мира уже не хватает. Пришлось их количество значительно расширить, дать им современную, более глубокую трактовку и увязать в единую аналитическую модель, методологию.

Андрей: А откуда вы взяли недостающие постулаты, не говоря про саму модель?

В.В.: А-а! Вот тут как раз и возникает связь йоги и диалектики. Ведь йога, как ты знаешь, изучает не только, и даже не столько, работу нашего тела, сколько сознания.

Андрей: Согласен.

В.В.: Вся наша логика, все наши теории построены на постулатах – понятиях, представлениях, суждениях для нашего сознания, как мы считаем, очевидных и не требующих доказательств.

Андрей: Да, и что же?

В.В.: А то, что именно занятия йогой показали мне на практике, что наше сознание может весьма различаться, что картина нашего восприятия весьма условна и всегда относительна, и зависит от скорости, или частоты, нашего восприятия.

Андрей: Это, извиняюсь, как?

В.В.: Ну, например, если ты хочешь изучить, как работают крылья шмеля, зависшего над цветком, то визуально сделать это будет невозможно: скорость движений крыльев не соизмерима со скоростью твоего восприятия, оттого картина твоего восприятия – это хаос, соответственно, понимание того, что воспринимаешь – нулевое.

Но как только твоё восприятие по скорости, частоте, станет приближаться к скорости, частоте, движений крыльев – не важно каким образом, в результате йогогических тренировок, или же ты просто воспользуешься съемкой скоростной камеры – тогда, по мере роста скорости восприятия, из общего хаоса ты станешь различать, выхватывать те или иные элементы, эпизоды.

Но, на этом этапе проблема будет в том, что, замечая одно, ты при всем желании не можешь, просто не успеваешь, заметить другого.

В этом, кстати, как раз и есть гностическая причина всех наших конфликтов: один успевает увидеть одно, другой – другое, ему противоположное; из-за чего возникает спор, нередко переходящий в драку, в котором, рано или поздно, рождается истина, то есть появляется третий, который вначале опровергнет, а то и отлупит, обоих, а затем и примирит их, выдав новую целостную картину видения, и объяснив недостатки старых.

Но это возможно лишь в том случае, если скорость восприятия третьего будет равняться скорости изучаемого процесса, только в этом случае картина восприятия будет статичной.

Андрей: Статичной?

В.В.: Конечно. Ведь если ты, скажем, едешь в автомобиле и поравнялся по скорости с идущим в том же направлении поездом, то относительно друг друга вы будете неподвижны и воспринимаемая картина будет статичной и целостной, то есть ты будешь видеть сразу все элементы картины, во всех взаимосвязях, иными словами, ты будешь понимать то, что видишь.

Андрей: Боюсь, я так и не понял, откуда взялись дополнительные постулаты.

В.В.: Дополнительные постулаты взялись, как я тебе уже говорил, из-за разного уровня сознания, соответственно, из-за разницы в скорости восприятия.

Если до меня видели, условно говоря, только то, что крылья шмеля движутся вверх-вниз, то я различаю и учитываю такие вещи, как частота колебаний, амплитуда движений, их угловая и линейная скорости, и многие другие параметры, учитывая которые можно не только объяснить, но и предсказать любой манёвр – в то время как для простого глаза эти манёвры будут казаться весьма хаотичными.

Андрей: Аналогия более-менее понятна, но конкретный вопрос, если честно, яснее не стал. К тому же «частота, амплитуда, скорость» – всё это язык физики, а не философии.

В.В.: Совершенно верно! Весь наш материальный мир живёт по законам физики! И наши общественные отношения можно смоделировать и рассчитать, как можно рассчитать траекторию полёта космического корабля.

Андрей, заканчивая муть пол и отжимая тряпку, с горькой иронией: Так что, ваша работа – это, по сути, новая ре-

дакция диалектического материализма? За что же вас посадили, ведь вы, можно сказать, продолжатель марксизма-ленинизма?

Появившийся Бачков: Закончил мыть? Давай быстро завтракать, а то останешься без пайки.

Андрей: Сейчас, мы тут не договорили...

В.В. с улыбкой: Беги, беги. Лучше каша в животе, чем каша в голове от моего бреда.

Андрей: Чем же лучше?

В.В.: Максимум, что грозит тебе в первом случае – это сидение на толчке, во втором – сидение в дурдоме.

Андрей: Хорошо, я иду, только смею вам напомнить, что мы уже там.

Сцена в столовой – Амнезия

Пустая столовая. Андрей, получив миску овсянки и кружечку какао, садится за стол рядом с Сашей, который, похоже, уже позавтракал, и чего-то с нетерпением ждет.

Андрей: Позавтракал?

Саша: Ага.

Андрей: А чего тогда не идешь на раздачу «колёс»?

Саша: Потом. Ребята на кухне чифир варят.

Андрей: А-а, тогда конечно...

Кивнув на татуировку на Сашиной руке, заметил: Симпатичную розку тебе сделали. Просто и со вкусом.

Саша: Да, я в Смоленске сидел в одной камере с художником. Он и наколол.

Андрей: Ты срок мотал в Смоленске, за что?

Саша: Квартирная кража.

Андрей: А сидел в дуркамере?

Саша: Поначалу нет. В дуркамеру я потом попал: начальник оперчасти постарался.

Андрей: Что, отказался сотрудничать?

Саша: Да... Медбратом они там держали одну гориллу, мотавшего срок за убийство и изнасилование. Никто ведь из честных воров в медбратья не пойдет...

Ну вот, не успел я в дуркамеру попасть, как тот попытался меня трахнуть.

Так-то я справиться с ним не мог, ну, короче, ткнул его несколько раз заточкой в горло. Короче, эта сука каким-то образом выжила, а мне добавили еще восемь лет, за попытку убийства.

Андрей: Сколько тебе сейчас лет?

Саша: 27.

Андрей: Ну, так мы одногодки.

Саша: 27 лет, из них половина за решёткой. Начал с малолетки...

Знаешь, за что они меня тогда посадили? За батон белого хлеба. Здесь они им свиней откармливают.

Андрей, хмыкнув: То-то я смотрю: медсестра на выходе пациентов шмонает, чтобы хлеб из столовой не выносили.

Да, этот Виктор, философ, прав: для нашей сучьей власти свинья дороже человека, к тому же лишний зек – это лишняя рабсила, практически бесплатная.

Саша: Да... хотя Витя иногда гонит такую пургу...

Воронин, появившись с миской у окна раздаточной, громко и требовательно: А можно ещё добавки?

Бачков, вошедший в столовую: Можно. Твоей толстой жопе можно еще добавки амиnazина и хорошего пинка. Исчезни, проглот.

Воронин, угрожающим, скрипящим голосом: Моя жопа от твоего амиnazина и пинка даже не почешется. Но если я тебя пну, твоё говно не смогут отличить от того сраного клейстера, который тут дают на завтрак.

Все, включая Бачкова, громко рассмеялись.

Воронин, низким скрипящим голосом: Я барс, я снежный

барс...

Подойдя к завтракающему Андрею и сменив тон с угрожающего на приторно вежливый, спросил: Извините, а можно у вас одолжить кусочек хлеба?

Андрей, дружелюбно: Конечно, бери.

Воронин: Благодарю вас. Знаешь анекдот про генерала? Адьютант приносит генералу его форму, свежестырированную и выглаженную, и спрашивает: «Как же вы, товарищ генерал так неосторожны вчера были...»

Саша, раздраженно: Уйди, придурок, или я воткну эту ложку в твою пасть!

Воронин рассмеялся и вышел из столовой, напевая: «Среди нехоженных дорог одна моя...»

Саша: Блин, эта шиза когда-нибудь меня достанет!

Андрей: Ну, я бы не был столь категоричен в отношении его диагноза. Когда я сидел в дурдоме первый раз, проходил судебную экспертизу, там попадались ребята на первый взгляд полностью завернутые, но когда им ставили шизу и признавали невменяемыми, они, чтобы свалить из дурдо-

ма, придумывали такие вещи, до которых ни один здоровый не додумается.

Бачков: Здесь этот номер не пройдёт. Валерке колют такие дозы, что даже если его мозги и были когда-то здоровыми, то теперь они стопроцентно завернуты.

Единственное, что меня удивляет – это то, что эти убойные для слона дозы никакого заметного эффекта на его физическое состояние не имеют. За те три месяца, что он здесь, он лишь набрал немного в весе. И стал, похоже, еще более болтливым: его рот не закрывается часами.

Андрей: За что его сюда?

Бачков: Амнезия, или попросту потеря памяти. Бродил тут по соседству в закрытом военном городке. Патруль его подобрал и сюда доставил. При нём был дипломат, в нем японский фотоаппарат и дорогое иллюстрированное издание сказок Пушкина. И никаких документов. С его слов, его зовут Валерий Воронин, проживал в Петропавловске.

Андрей: Ну, и в чем проблема? Не могут найти родственников?

Бачков: Проблема в том, что в Советском Союзе два Петропавловска, один – на Камчатке, другой – в Казахстане.

Судя по тому бреду, что он несет, он, похоже, жил в обоих, но когда начинаешь расспрашивать, кто он и что он, есть ли родственники или друзья, он начинает гнать такое, что не поддается никакой расшифровке. Во всяком случае, в его диагнозе записано, что он не агрессивный, дружелюбный тип, который может находиться в обычной больнице. Вот и приходится терпеть болтовню этого Винни Пуха.

Андрей, со смешком: Да, на медведя он похож. Да и сила у него, похоже, тоже медвежья.

Бачков: Если честно, то мне наплевать, кто он и что он. Я повидал достаточно, чтобы не совать свой нос не в свои дела.

Уходя из столовой, он сказал, обращаясь к Андрею: После завтрака получишь свою дозу, и можешь выметаться во двор на прогулку.

Сцена во дворе – Диалектика

Звуки птичьего щебета.

Выйдя во двор, Андрей увидел недалеко от крыльца обнаженного по пояс парня, занимающегося гирей, и, подойдя к нему, спросил: Двдцатка?

Цветочкин (худощавый спортивного вида парень): Что?

Андрей: Двдцать кг?

Цветочкин: Угу.

Андрей: А что, здесь разрешают?

Цветочкин поставил гирю на землю: Нет, конечно. Это ребята принесли, вот втихаря занимаемся, потом прячем в кустах сирени. Хочешь попробовать?

Андрей: Давай.

Цветочкин, отметив энергичные движения Андрея, сказал: Молодец, держишь форму. А я пока в полную силу не могу: ребра ещё болят.

Андрей: А что у тебя с рёбрами?

Цветочкин: Менты три ребра сломали.

Андрей: Что, тоже из-за фестиваля попал?

Цветочкин: Нет, у меня с моим участковым проблемы возникли.

Андрей: А ты откуда?

Цветочкин: Посёлок 37-й километр знаешь?

Андрей: Ну.

Цветочкин важно: А фамилию Цветочкин слышал?

Андрей: Гарик Цветочкин?

Цветочкин: Да.

Андрей: Слышать – не слышал, а видеть – видел. Она крупными буквами намалёвана на сарае у железной дороги. Если электричкой едешь, то видно: Гарик Цветочкин. Ты намалевал?

Цветочкин: Не-а. Пацаны. Мы в этом сарае гирями занимались. Я двухпудовку больше других толкал, вот ребята мою фамилию красной краской и намалевали на сарае.

Андрей: А с участковым чего не поделили?

Цветочкин: Да, понимаешь, дочка его стала к нам в сарай шастать.

Андрей со смешком: Что, тоже спортом увлеклась?

Цветочкин: Да, академической г'еблей. Папаша её пытался нас несколько раз разогнать, мне грозился голову и всё что ниже оторвать. Я его послал подальше, говорю, мы её сюда на веревке не тянем.

А через неделю забирают меня с работы, сажают в воронку и в ментовку на допрос. Ты, говорят, у кого-то там с машины колёса поснимал. И в зубы, для достижения консенсуса, чтобы признавался, значит.

Я тому, кто мне врезал – встречной правой, тоже в зубы. Он с копыт полетел и ударился затылком о ключ – у них в сейфе ключ торчал – короче, пробил тем ключом голову.

Тогда они озверели, и давай меня молотить всей шайкой. Пинали так, что три ребра сломали, а уже в карцере, куда меня забросили, у меня отек лёгких начался: плевра отошла.

Ну, они испугались, что помру у них, стали деньги предлагать: бери, говорят, и помалкивай, а то хуже будет – а мы тебя в больницу отвезём, скажем, на улице подобрали избытого.

Андрей: А ты чего?

Цветочкин: Отказался, естественно. Я на этих сук спокойно смотреть не могу, не то, чтобы с ними о чем-то договариваться. Жаль, что я того гада вовсе не убил.

Андрей с улыбкой: Ну, это ты напрасно на них так. С больницей то они тебя не обманули, травматологию, правда, с психиатрией перепутали, но для легавых это простительно: откуда им знать, где лечат голову, а где, скажем, жопу.

Цветочкин тоже улыбаясь: Да где уж им: у них у самих-то голову от жопы не отличишь.

Андрей: А выжил-то ты как? Отек легких – дело нешуточное. Они что, тебя здесь лечили?

Цветочкин: Лечили, как и всех – аминазином. Просто на мне заживает всё как на собаке – вот и выжил.

Андрей: Всё понятно, выживать самому мне тоже прихо-

дилось. Куда гирую то спрятать?

Цветочкин: А вон в те кусты за лавочкой. В домино или шахматы не хочешь сыграть?

Андрей: Не, мне мозги напрягать советской властью противопоказано, я лучше там в кустах позагораю.

Цветочкин: А, ну давай.

Андрей, подойдя к стоящей в кустах сирени скамейке, на которой, откинувшись, загорал раздетый по пояс Виктор Васильевич, спросил: Не помешаю?

В.В.: Нет, можешь присоединяться, раз уж тебе не пропи-сали трудотерапию.

Андрей: Я коммунякам не работник, да и не рискнут они меня за забор выпустить. Удивительно, что позволили прогулки.

В.В.: Нет, здесь во двор выпускают всех желающих. Если ты только не на вязках, конечно.

Андрей: Ну, хоть это утешает. Кстати, Виктор Васильевич, я тут подумал о вашей новой и гегелевской старой диалек-

тиках. Чем же они конкретно отличаются? Вы говорили, что просто добавили постулаты...

В.В.: Что в дурдоме открылся философский зуд?

Андрей: Нет, просто любопытно: ведь если вы, действительно, создали универсальную методологию, то это, по сути, переворот в мозгах, поскольку методология – это своего рода универсальный ключ к шифру, ключ, который может изменить всё наше видение мира. Разве не так?

В.В.: Да, хотя я бы сравнил это со своего рода грамматикой: если не знаешь её правил, понять язык не сможешь, даже если и знаешь значение отдельных слов. Это – во-первых, во-вторых, изменив видение мира, эта методология, что самое главное, должна изменить и отношение к нему.

Что же касается различий, то от старой она отличается не только, и не столько, большим количеством новых понятий и постулатов, сколько современной более детальной трактовкой старых, начиная с условности и относительности всех понятий и постулатов: единства и борьбы противоположностей; скачка количества в качество и отрицания отрицания – всё это верно в определённых условиях с определённой точкой отсчёта, и уже неверно в других.

В старой диалектике ничего этого нет, как нет и универ-

сальной меры, которой мы можем измерять различные процессы и явления.

Андрей: Постойте, а разве может быть какая-то единая универсальная мера в этом немислимом разнообразии материального мира?

В.В.: А как же! Просто нас привлекает и сбивает с толку внешнее видимое разнообразие мира, разнообразие его форм.

Разбираться же в его содержании, внутренней сути – занятие скучное и непривлекательное.

Тем не менее, у этого мира есть одно общее качество, которое служит и точкой отсчёта и универсальной, единой мерой – это Время.

Андрей: Время?

В.В.: Ну да. Ведь в мире, как ты знаешь, всё течет – всё изменяется. Стало быть, единственной универсальной мерой в нём может быть только Время.

То, что старая диалектика объясняет происходящие события и явления борьбой противоположностей, имеющих общую природу; то, что борьба эта воспринимается сначала в количественных изменениях, в росте, а затем качествен-

ном скачке; то, что в ходе этой борьбы происходит отрицание отрицания, то есть снимаются противоречия – всё это, строго говоря, не методология, а мироописание, поскольку нет единой меры.

Соответственно, практическая ценность такого мироописания весьма невелика, попросту близка к нулю. Потому, что мироописание – это всего лишь, так сказать, схема, в то время как методология – это уже карта, со своим масштабом, точками отсчета, или сторонами света, со своими условными обозначениями.

Имея такую карту, и сориентировавшись в пространстве, то есть, выбрав точку отсчета, мы можем установить соответствие значков на карте реальным объектам на месте. Возможность же проводить измерения – это возможность отвечать на насущные вопросы: не просто, скажем, в какую сторону мы идем, но куда конкретно мы идем, что и когда нам предстоит пройти, какие препятствия преодолеть и как долго мы будем идти.

Никакая схема, никакое мироописание, на эти вопросы не ответят.

Андрей: Хм, аналогия понятна. Вот только касается она пространства, и как Время может быть в данном случае еди-

ной мерой – это не понятно.

В.В.: А разве мы не измеряем космическое пространство световыми годами?

Андрей: Ну, то космос...

В.В.: А расстояние, скажем, до ближайшей остановки или ларька мы определяем разве не минутами ходьбы?

Андрей: Да, но подразумеваем среднее расстояние, которое проходим за минуту. И вообще, сравнивать можно лишь вещи одного качества. Пространство и Время – это вообще разные категории, к тому же, насколько я знаю, не имеющие точного определения.

В.В.: Совершенно верно! Как раз отсутствие точного определения, а вернее отсутствие понимания природы этих вещей делает их в нашем восприятии качественно различными, несоотносимыми. Но различия эти, опять-таки, относительны...

Как я тебе уже говорил, характер восприятия зависит от скорости, частоты восприятия. В зависимости от этой скорости, картина восприятия одной и той же вещи может быть хаотичной, динамичной или статичной.

И если при восприятии какой-то вещи, какого-то процесса, мы получаем картину хаоса, то это означает, что сознание не смогло выделить из всего множества элементов картины ничего общего, повторяющегося.

Если же сознание начинает вычленять, узнавать как повторяющиеся те или иные периодически то исчезающие, то возникающие элементы, возникает динамичная картина.

Устойчивая периодичность таких повторов и стала в нашем понимании Временем.

Разумеется, этот устойчиво повторяющийся элемент к тому же должен быть жизненно важным для наблюдателя.

Это я к тому, что какие бы мы приборы ни придумывали для измерения времени: механические, электронные, атомные часы – Солнце и Луна так и останутся определяющим мерилем всех наших жизненных циклов.

Если же давать краткое научное определение, то, Время – результат наложения двух частот, когда полученная дробь – периодическая.

Андрей: Что, опять частоты-амплитуды, опять физика?

В.В.: Да. По сути, то, что я сделал, – это чистая физика, где Пространство и Время – это лишь способ упорядочивания,

интерпретации информации, своего рода штампы.

Андрей: А то, что предлагаете вы, разве не штамп?

В.В.: Тоже штамп, но более точный, следовательно, имеющий большую практическую ценность.

Андрей: Да, забавно обсуждать такой штамп как Время в заведении, где даже иметь инструмент для его измерения запрещено.

В.В.: Ты это про часы?

Андрей: Ну, наверное не столько про часы, сколько про то, что, либо в вашей логической цепочке где-то должна быть какая-то нестыковка, проще говоря, вы, Виктор Васильевич, чего-то там напутали – в пользу такой возможности свидетельствует весь мой личный опыт и знания – либо... либо моего опыта и знаний явно не достаточно для понимания.

Ведь, по-вашему получается, что ход нашего развития определяет не равнодействующая внешних и внутренних сил, а Время?

В.В.: Совершенно верно, именно Время определяет и то, и другое, и расклад сил, и характер развития, как в мире живой, так и неживой материи.

А что касается твоего замечания, что это моё утверждение противоречит твоему опыту и знаниям, то, боюсь, это значит лишь то, что ты, дружок, ещё не дорос даже до весьма скромного опыта и знаний Екклесиаста, ещё бог весть когда учившего, что «Всему своё время, и время всякой вещи под небом. Время раждаться, и время умирать; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить».

Андрей продолжил: «Время разбрасывать камни и время собирать камни...».

Да, тут вы меня ловко срезали. Особенно учитывая, что из всего Ветхого Завета единственно ценным для меня является Екклесиаст.

Хотя, признаться, я всегда воспринимал его, в том числе и этот пассаж, как лирику, а не как физику.

Вы же на все смотрите глазами физика, и каждый раз норовите пользоваться терминами физики, вы что, физик по образованию?

В.В.: Нет, по образованию я как раз лирик, а не физик. Лет двадцать назад кончал консерваторию, после чего играл в московской филармонии. После просветления, правда, пришлось эти игры бросить.

Андрей: Почему? Музыкант, да ещё в филармонии – от-

личная работа.

В.В.: Потому что «зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике и светит всем она в доме».

Да, так вот, что касается выбора мною физических терминов, должен сказать, что если ты хочешь объяснить какую-то вещь, то должен выбрать тот язык, который наиболее точно отражает суть этой вещи.

На данный момент вопросы нашего бытия наиболее точно можно отразить только языком физики. Конечно, язык этот должен быть понятен тому, к кому ты обращаешься. Но ты, похоже, с курсом физики за среднюю школу знаком?

Андрей: Да, вполне. Мне только непонятно, каким образом музыкант...

В.В.: Постиг язык физики? Это результат длительных занятий йогой, работы с собственным телом и сознанием. Ведь ни наше тело, ни сознание ничем от других физических инструментов не отличаются, разве что степенью сложности. Естественно, что в своей работе я пришёл к тем же выводам, к каким пришли физики, потому я и пользуюсь их языком.

Андрей: Странно. Йога всегда считалась идеалистическим, религиозным учением, а вы, оказывается, махровый

материалист.

В.В.: Я ни то, и ни другое. Идеализм – материализм – это всего лишь точки зрения, инструментарий, так сказать, своего рода очки, которыми мы смотрим на мир: одними очками удобно читать газету, другими смотреть телевизор.

Религия начинается там, где знания в своём бессилии уступают место вере, разум – морали и этике; граница между ними весьма условна и относительна.

Подходит Бачков: Загораем?

Андрей: А что ещё делать? Курортный сезон, похоже, придётся здесь проводить.

Бачков: Ну, кому сколько тут сидеть, я не знаю – не мне решать, но думаю, что тебя до конца фестиваля уж точно не выпустят.

Подходит Одуванчик (высокий худощавый старик с пышной кучерявой совершенной белой шевелюрой): Анатолий Сергеевич, будьте добры, пожалуйста, ключи. Хочу прополоть сегодня эту клумбу с георгинами, если время позволит.

Андрей: Здесь время не проблема.

Одуванчик недовольно взглянул на Андрея, ничего не сказав.

Бачков: Держите, Евгений Павлович. Смотрите, не перетрудитесь на солнце: сегодня, похоже, будет жарко...

Андрей: Откуда у вас этот божий одуванчик?

Бачков, присаживаясь: Сёстры его сдали. У него две сестры в Москве, он жил у них...

Андрей: Он что, одинокий?

Бачков: Да.

Андрей: И что ж?

Бачков: Да ничего ж, обычная история: то ли он им надоел, то ли их детям жилплощадь понадобилась...

Андрей: Но он, вроде, вполне нормальный старик...

Бачков: Ну, это ты у покойного Мирошкина спроси.

Андрей: Какого Мирошкина? Уж не профессора ль Мирошкина ты имеешь в виду?

Бачков: Да, бывшего нашего главврача. А ты что, его знаешь?

Андрей: Как не знать! Он был моим судэкспертом, вклеил мне шизу и признал невменяемым, короче, подмахнул всё, что гбня на меня навешала.

Бачков: Ну, не сделай этого он, это сделал бы кто-то другой. В любом случае, ты бы этого не избежал.

Андрей: Может быть. Скажу только, что до Мирошкина меня возили в Сербский, показывали их академику. Так вот тот давать заключение отказался...

Стало быть, ты говоришь, он сдох?

Бачков: Помер, 4 года назад.

Андрей: И за что ж он упёк сюда Одуванчика?

Бачков: Не знаю. Может за взятку, а может по блату. Во всяком случае, сидел он при нем, как в санатории, и даже имел к Мирошкину свободный доступ. К нему, правда, и нынешний главврач нормально относится.

Старичок он безобидный, хлопот с ним никаких, цветы любит. Весь наш садик – это его работа: и те шикарные клум-

бы под окнами, и эта сирень.

Кстати, я как-то любопытствовал заглянуть в его дело, ну, что человек кончал, где работал... Так вот, в начале двадцатых он закончил Московский Университет, после чего ни одного года трудового стажа, даже нет упоминания о трудовой книжке.

Андрей: Так он у нас ветеран-тунеядец? Ай да Одуванчик! А что ж его за тунеядство не привлекли? Мне, когда власти дали указание сажать, первым дело стали лепить тунеядство.

Бачков: Не знаю, судимостей, у него, кстати, тоже нет. Как жил? – не понятно. В прочем, это уже не моё дело.

Андрей: М-да, если эта власть всё-таки останется прежней, удержится, то перспективы у меня в принципе те же, что и у Одуванчика: либо бери, Андрюха, шмайсер, либо живи и помирай вне закона за колючей проволокой.

Бачков: А что тебя, собственно, не устраивает? Ты и у себя в Звёздном городке, насколько я знаю, живёшь за колючей проволокой.

Андрей: А ты это откуда знаешь, прочел в моей истории болезни?

Бачков: Был у вас на экскурсии в Центре Подготовки Космонавтов. Я ведь раньше выступал в сборной России по боксу, ну а как призёр побывал у вас, посмотрел, как вы там живете. Ничего, скажу тебе, за такой колючей проволокой век можно воли не видать!

Андрей: Д-а-а? И что ж тебя так там прельстило? Колбаса или импортные шмотки в магазине?

Бачков: А хоть бы и так, что тут такого?

Андрей: Да как тебе сказать... Я думаю, ты, как спортсмен, знаешь, что не дают их за так: одни платят за это здоровьем, кто-то жизнью; а некоторые нороят даже душу продать. Когда наше командование решило меня упечь, и завели на меня дело, то следователь спецпрокуратуры, редкая гнида, сказал мне откровенно: «Ты знаешь, у меня тоже здоровье не блещет – больной желудок, и мне нужен диетический творог; а купить я могу его только в Звёздном – так что, дружок, не обижайся...»

Я ему говорю, что для желудка полезна овсянка на воде – а он мне: «Вот я тебе её и обеспечу, причём надолго».

Бачков: Пойду-ка я под навес, козла забью с ребятами, уж больно здесь начинает припекать.

Уходит.

Андрей с усмешкой: Быстро у него пропала охота к разговорам.

В.В.: Ну, это у нас самый порядочный медбрат, он, кстати, учится в медицинском институте. Есть еще двое алкашей из ЛТП, что за забором; а кто третий – не знаю, но манеры у него уголовника, да и общается он с такими, как Саша.

Андрей: По правде говоря, из трёх перечисленных вами типов, я больше всего не доверяю, как вы выразились, «порядочным».

Когда я попал в дурдом первый раз и был признан невменяемым, я объявил голодовку, требуя судебного разбирательства.

Где-то на седьмой день начальство приказало устроить мне принудительное кормление. В тот день дежурило два медбрата, один, как вы говорите, порядочный, тоже, кстати, учился в медицинском, а другой – бывший зек, с двумя судимостями за квартирные кражи. Так вот он-то как раз кормить меня и отказался.

Стали набирать помощников среди пациентов – у нас в отделении было около двух третей уголовников, кто на судэкспертизе, кто со спецлечебниц – так вот: никто из них не пошел – пошли двое, опять-таки из «порядочных».

Так что высказанную вами истину, о том, что мораль и этика начинаются там, где кончается хитрожопость, я могу подтвердить собственным опытом.

В.В.: Ну, я говорил, что человеческий разум не способен предусмотреть всех последствий своих поступков, поэтому он страхуется такими мерами безопасности как мораль и этика. Но если учитывать, что человеческий разум в своём эгоизме всё больше превращается в хитрожопость, то твоя трактовка вполне уместна.

Более того, хотя тебя это и заденет, но замечу, что она весьма близка к ленинской. Он тоже весьма скептически относился к интеллектуалам, говоря, что интеллигенция – не мозг, а говно нации.

Андрей: Ну, не знаю, во всяком случае, заменять заповеди Христа классовой моралью, как это сделал он и его банда, я уж точно не стану.

В.В.: Не зарекайся, потому, что и здесь он отчасти прав. Заменить заповеди Христа, говоря точнее, морально-этические нормы Космоса, моралью социального класса, пусть даже и угнетённого, в самом деле, невозможно...

Андрей: Тогда, в чём же он прав?

В.В.: А прав он в том, что степень восприимчивости к заповедям Христа, основанных, кстати, на любви, то есть способности сострадать и жертвовать, эта восприимчивость, действительно, зависит от классового сознания: чем угнетённой класс, тем выше его способность сострадать и жертвовать, ибо что как не «битие» определяет создание человека.

Да и сам Христос на этот счёт заметил, что «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие».

Андрей: Да, с вами бесполезно спорить.

В.В.: Почему же бесполезно? Ведь в споре рождается истина. Хотя наши друзья-уголовники, в частности Саша, считают, что «Тот, кто спорит, тот говна не стоит».

Андрей: Боюсь, что в наших условиях он более прав.

В.В., улыбаясь: Ну, вот, ты уже учишься применять принцип условности и относительности.

Кстати, насколько я понял, ты живёшь в Звёздном?

Андрей: Да.

В.В.: А за что на тебя заводили уголовное дело?

Андрей: Тут так просто не ответишь: когда дело шьёт ГБ, формальные обвинения очень часто ничего общего с истинной причиной, по которой тебя сажают, не имеют. А поскольку в моём случае причины были довольно мерзкие, то у них даже в плане формального обвинения единодушия, похоже, не было: то есть, пытались повесить всё, начиная от тунеядства и кончая изменой родины, но остановились на уклонении от воинской службы.

В.В.: Понимаю, вариант бравого солдата Швейка: шпион, сумасшедший и дезертир одновременно.

Андрей: Так точно.

В.В.: Чем же ты им так насолил?

Андрей: Да ни чем. Как я уже говорил, история эта довольно долгая. Началась она лет 15—17 назад, когда от меня стали требовать, чтобы стучал на своих одноклассников, а от матери, чтобы доносила на космонавтов, а то некоторые из них, видите ли «много себе позволяют». Мы отказались — началась травля. Ну а в закрытом городке дело это нехитрое. Короче, в результате сделали мне противотуберкулёзную прививку, хотя она мне была противопоказана, и мать неоднократно предупреждала врачей об этом.

После прививки начался процесс в легких...

В.В.: А они стали укрывать диагноз, предлагая лечение в обмен на сотрудничество?

Андрей: Да, примерно так и было. А вы откуда знаете?

В.В.: Метод вербовки не новый, правда, используют его чаще на зоне. Ну, и что дальше?

Андрей: Ну, что дальше... куда мать только ни обращалась, куда ни писала, диагноза нет, стало быть, лечения никакого, поэтому приходилось заниматься траволечением, йогой.

В.В.: И что, ты ими вылечился?

Андрей: Нет, ничто это не помогало: то есть, помереть – не помер, но и излечения или какого-то улучшения – тоже не было. После школы пытался учиться в институте, по специальности прикладная математика, но этих нагрузок я вытянуть уже не мог, поэтому через полгода институт пришлось бросить.

После чего они были обязаны призвать меня в армию. Я решил, что у меня появился шанс добиться диагноза и поэтому положил на стол военкома заявление, требуя судебно-

го разбирательства и судебно-медицинской экспертизы.

После чего 4 года стараниями нашего командования и особистов меня не призывали, надеялись, что проблема исчезнет, так сказать, естественным ходом. Но проблема не исчезла.

Тогда уже в 81 году меня вызывают в нашу спецпрокуратуру и прокурор говорит: «Либо пойдёшь в армию, там, если болен, будут лечить, либо посадим за тунеядство».

«Ну, – говорю, если судмедэкспертиза признает меня здоровым – сажайте».

В.В.: Странно, в этих условиях, учитывая, как эта банда не любит шума и огласки, им было проще тебя убить, чем возбуждать дело.

Андрей: Я думаю, они так и сделали.

Через пару дней после разговора с прокурором, где-то около полудня, когда родители ушли на работу и я остался один, я почувствовал в своей комнате странный приятный запах, как будто духов. Уже потом я узнал, что так пахнет миндаль.

В.В.: Или цианистый.

Андрей: Совершенно верно. Короче, у меня стало останавливаться сердце и я стал задыхаться. Надо сказать, что хо-

тя я и болел туберкулезом и периодически страдал кровохарканьем, нос к носу со смертью я не сталкивался. Одним словом, помирать первый раз в жизни было довольно тяжело. В панике я выпил почти упаковку экстракта элеутерококка, это такое тонизирующее растение семейства женьшеневых – дают космонавтам, спортсменам как стимулирующее. Возможно, оно меня и спасло.

В.В.: Вряд ли. Просто не срок был помирать.

Андрей: Скорее всего, да. Во всяком случае, когда я метался по квартире, я, с одной стороны, чувствовал, что это – смерть и я помираю, а с другой – чувствовал, что какая-то сила не даёт мне помереть. Ощущение того, что в тебе столкнулись две силы и рвут тело на части было довольно жутким. Вот.

Где-то после обеда явились родители, вызвали из части скорую, ночь я провёл в районной больнице, где мне дали только успокаивающее, так как ни полковник, который меня привез, ни гражданские врачи ничего понять не могли.

Утром я, как ни в чём ни бывало вернулся домой, а уже в обед стал покрываться сначала красной сыпью, потом пятнами, к вечеру красным было все тело, температура за 40. Врачи снова ничего понять не могут, ни на корь, ни на краснуху это не было похоже.

В.В.: Нет, это просто перегорал яд.

Андрей: Да, наверное. Не помню, сколько дней я провалялся с такой температурой, да и вспоминать всё это не очень хочется. Короче, как-то выжил, чем, надо сказать, немало озадачил эту банду.

Ну, деваться им некуда, снова везут меня к прокурору, снова тот предлагает на выбор: либо армия, либо лагерь, на этот раз по статье уклонение от воинской службы. Я, говорю, согласен на лагерь, только сначала проведите медэкспертизу. Провели медэкспертизу – прокурор мне снова на выбор: либо армия, либо, как он сказал, закрою тебя в дурдоме с уголовниками. Я говорю, как вам не стыдно, вы ж обещали 5 лет лагерей. – В лагерь, говорит, нельзя: у тебя открытая форма туберкулёза.

Короче, после этого, мне ничего не оставалось, как попытаться, пока не посадили, обратиться в посольство США. За что меня, а также мою мамашу и упекли.

В.В.: Вы что, обращались вместе?

Андрей: Да. Правда, её продержали недолго. Вот.

Уже в дурдоме они мне стали грозить трибуналом как шпиону и изменнику родины, если я не покаюсь в содеянном.

Я сказал, что каяться не собираюсь, но дать признатель-

ные показания по обвинению в шпионаже готов, даже готов выдать всю шпионскую сеть: адреса, явки, фамилии, да еще какие!

Чтобы исключить такую подлянку с моей стороны, гебисты написали, что помимо американского посольства я обращался ещё в два или три западных посольства, короче, что у меня мания ходить по посольствам.

После чего мне вlepили шизу и признали невменяемым в отношении содеянного преступления – уклонения от воинской службы.

В.В.: То есть, как я понял, ты – дезертир, но не привлекли тебя только потому, что ты к тому же и сумасшедший?

Андрей: Так точно. А на время международного фестиваля меня посадили потому, что я, к тому же, скорее всего, и шпион.

В.В.: Ну, если учесть, что ты, к тому же, знаешь английский и можешь общаться с врагами на их языке, что для многих из них недоступно, то удивляться этому не приходится. И сколько они тебя тогда продержали?

Андрей: Точно не помню, месяца три.

В.В.: Всего то? В таких случаях держат годами.

Андрей: Да, они так и планировали, но, видимо, моя голодовка спутала их планы. Они долго меня уговаривали не поднимать шум: мол, год тихонько посидишь, колоть тебя не будем – только таблетки – хочешь – глотай, хочешь – в толчок выплёвывай. Через год всё утихнет – выпустим.

Но на уговоры их я не пошёл. К тому моменту я уже достаточно испытал на своей шкуре. К тому же, посидев в дурдоме и пообщавшись с простыми ребятами, типа Саши, я понял, что, то, что они делали со мной не исключение из правил, а лишь один из типичных примеров того, как работает система, что вокруг меня масса простого народа, с которым эта банда обходится ещё более безжалостно.

Короче, я понял, что компромиссов с коммуняками быть не может: они под разными видами и предложениями уничтожают нас – мы должны, и я убеждён, рано или поздно, будем уничтожать их. Третьего не дано. Да.

В общем, эту сволочь я тогда уже ненавидел настолько, что договариваться с ними о чем-то не собирался.

Да и они в своих уговорах перестарались: чтобы я был поговорчивее, решили перевести меня из надзорной палаты, где сидели простые уголовники, в палату для привилегированных, где было начальство. Видимо, решили, что если я

со Звёздного городка, то воры-начальники будут мне духовно ближе, чем тот люмпен, которым переполнены наши зоны настолько, что часть из них приходится отправлять в дурдома. Надо сказать, что некоторые ребята попали к нам за то, что принимали участие в массовых протестах, кто резал вены, кто голодал – на зонах тогда было неспокойно...

В.В.: Солнце в тот год было весьма неспокойно – вот народ и бурлил, борясь за свободу, не только у нас, но и по всей планете: революция в Польше, или, если помнишь, голодовка заключенных в Северной Ирландии – яркий тому пример.

Андрей: Ещё бы! Их выбор свободы ценою жизни стал тогда примером для многих, кто в неволе мечтал о свободе.

В.В.: Ну, не только для них. Как раз тем летом я смог достичь просветления: той же свободы – той же ценою жизни.

Андрей: Извиняюсь, но этого вашего парадокса я не понял. Если верить своим глазам, то вы живее всех живых, хотя и не совсем свободны.

В.В.: Это потому, что твои глаза дальше внешней формы ничего не видят. Внешне я, действительно, живой, хотя и несвободный. Внутренне же всё наоборот – такова диалектика.

Андрей: Всё равно, не понял.

В.В.: Неважно, научишься. Ну и чем тебе не угодили, переводя из надзорки в палату для привилегированных?

Андрей: В надзорке я был свой среди своих. Ребята, нахлебавшись от коммуняк по горло, страшно их ненавидели – а тут сажают чувака за поход в американское посольство, то есть, отношение понятное.

Да и вообще, вся палата была дружная.

Помню, в столовке какой-то сучонок, то ли хотел показать свой патриотизм и выслужиться, то ли провоцировал меня на драку, короче, обозвал меня изменником родины и це-эрушником.

После обеда он пошёл в туалет, и как-то неудачно оправился – поскользнулся, и разбил голову об унитаз. Да. После этого никто из этих сук свой патриотизм демонстрировать открыто уже не решался.

Короче, переводят они меня в палату для выздоравливающих, то есть отборных сук: замдиректора листопрокатного завода из нашего Щёлковского района, какой-то начальничек из Внешторга, директор одного московского универмага – короче, всё воры-начальники, и двое начальничьих сынков: один завуч английской спецшколы, перетра-

хавший половину своих учеников, и от того нуждавшийся в лечении своего подорванного здоровья, а другой вообще садист-убийца – ножом до смерти истыкал свою одноклассницу.

Да, и что интересно: по выходным всю эту сволочь отпускали домой, как они выражались, в «отпуск». А в такие дни они кушали витаминки и ходили на сеансы электросна.

Да, и в свободное время читали мне лекции о том, что родину нашу надо любить и защищать, служа в армии, а не торговать ею, вступая в сговор с американскими империалистами. Особенно, кстати, старались наш замдиректора листопрокатного и завуч-пидофил, говорили, у него папа имел большой чин в ГБ.

Короче, я не знаю, насколько бы у меня хватило терпения, но, слава богу, на пятые сутки моей голодовки, когда стало ясно, что на уговоры я не пойду, меня вернули обратно в надзорку. Ну а на седьмые, они, как обещали, устроили мне небо в алмазах. Кололи так, что я, говоря по правде, практически ничего и не помню. После чего выпустили. Честно говоря, до сих пор не пойму почему. Видимо, они были уверены, что я уже не жилец, тем более с открытой формой туберкулёза, а иметь труп у себя на руках они не хотели.

В.В.: Да, но сейчас у тебя вид вполне здоровый, я бы ска-

зал, даже спортивный. Я наблюдал, как ты гирию толкал.

Андрей: Это так. Смешно признаться, но именно дурдом способствовал моему излечению. Он помог мне избавиться от последних иллюзий относительно нашего светлого коммунизма, дав такой мощный заряд ненависти к этому режиму, и желания с ним бороться, что после того, как меня выпустили, мне, как в сказке, становилось лучше не по дням, а по часам, хотя занимался я той же самой йогой и траволечением, которые до этого никакого заметного улучшения не давали.

В.В.: Ну, в этом как раз нет ничего удивительного: йога – это прежде всего духовная практика, а не комплекс физических упражнений, эффект от которых, действительно, незначителен. Как только йога станет для практикующего духовным подвигом, так и жди чудес. Ну да бог с ними, чудесами. У тебя их, судя по всему, будет ещё предостаточно, потому что ты, действительно, стал йогом.

Тут не это главное. Главное в твоей истории то, что ты понял, что за духовную свободу, независимость, за духовные ценности надо платить, жертвовать, жизнью. Жертвенность – это главный закон духовного развития. В этом развитии ты сделал лишь первый шаг; тебе, как ребёнку, ещё только предстоит научиться ходить, приобретая на пути ду-

ХОВНЫЕ НАВЫКИ И ЗНАНИЯ, ЗА КОТОРЫЕ, КСТАТИ, НАДО ТОЖЕ ПЛАТИТЬ ЖИЗНЬЮ.

Да, учитывая твою страстную любовь к коммунизму, скажу тебе ещё одну вещь, по секрету: светлое будущее коммунизма уже не за горами.

Андрей: Да ну вас к чёрту, я с вами серьёзно, а вы!

В.В.: Я вполне серьёзно. Только давай отложим эту тему до завтра. Уж больно приятно сегодня позагорать на солнышке.

Акт 2

Сцена в палате – Витя «валютчик»

Бачков: Подъём! Вставайте, придурки, быстро убрать кровати, одеться, умыться!...

Кто сегодня половыми проблемами занимается, Виктор Васильевич? Держите инструмент, вручаю вам лично как мастеру.

Воронин, быстро освобождай койку, полотенце в руки и в надзорку!

Воронин: За что, начальник?

Бачков: За то, что жрешь много, да воздух портишь.

Обращаясь к стоящему в дверях с вещами парню: Заходи, сейчас этот проглот уберётся, и можешь устраиваться.

Воронин парню: Заходи, тебя как зовут?

Федорович: Виктор.

Воронин, подавая руку: Валера. Клади сюда в тумбочку свои вещи. Это что у тебя, сыр? Угости, а?

Федорович: Это колбасный сыр, я не знаю, если ты любишь...

Воронин: Спасибо, я люблю всякий сыр, особенно колбасный. У, свежий. Анекдот про Красную Шапочку знаешь? Идет Красная Шапочка по лесу, а навстречу ей Серый Волк...

Бачков, появившись в дверях вновь: Воронин, я тебя сейчас на вязки отправлю!

Воронин: Иду, начальник! Среди нехоженных дорог одна моя...

Виктор, присев на освободившуюся койку и окинув взглядом палату, заметил Сашу: О, привет, Сашок! Ты как здесь оказался?

Саша: Привет, Вить! Я тут так – по хулиганке. Иди сюда, побазарим.

Обращаясь к Андрею, лежащему по соседству: Свой парень, живем по соседству.

После того, как Виктор присел на его койку, спросил: Сам то ты как тут оказался?

Виктор молча указал на повязку на левой руке.

Что, вены порезал? Зачем?

Виктор: Куда деваться, залетел, похоже... Пойдём, покурим?

Саша: Рассказывай, здесь мужики нормальные, а в курилке всегда кто-то из стукачей крутится.

Виктор: Да, в общем, что рассказывать? Хотел золотишка купить, пошёл в Москве в скупку, посмотреть, кто что сдаёт, предложил свою цену – меня тут же и повязали.

Саша: Труба! Под такую статью, такую глупость сделать! В этих местах всегда кто-то из оперов крутится, и вообще, золотовалютными делами занимаются, только когда уже есть надёжные поставщики, сбытчики – а ты, как дитё малое – в скупку...

Виктор: Да я только хотел попробовать. Ты знаешь, ведь народ несет в скупку, в ломбард такие вещи, а государство берет у них всё это на вес, причем за гроши. Ну, я и подумал попробовать: и себе малость денегат сделаю, и человека выручу – ведь то, что им дают – это грабеж среди бела дня.

Саша: Да, Витек, ффраернулся ты.

Виктор: Не только я, со мной ещё Лёха-афганец был.

Саша: Труба, так вы на себя ещё и отягчающие обстоятельства повесили: групповуху со сговором. Этак вас на все 15 лет раскрутят. Кто вас повязал?

Виктор: Петровка.

Саша: Тоже хреново.

Андрей: Почему хреново?

Виктор: Бьют, блин, как в гестапо. Лёха давай на допросе от всего отпираться, так его вернули в камеру и там так отмолотили, что когда я попал к нему с допроса, я чуть не обосрался со страха: вся камера была в крови.

Саша: Тебя тоже били?

Виктор: Мне повезло: когда мне сказали, что будут бить, если не признаюсь, я сказал, что у меня больное сердце, что мой отец врач-кардиолог, имеет кандидатскую степень, и работает в МОНИКИ, и что я состою там под наблюдением. Блин, только это меня и спасло, а то бы убили.

Саша: Да, папа кандидат-кардиолог – это хорошо. А сюда ты как попал?

Виктор: Петровка решила со мной не связываться, и передала дело в Щёлково, по месту жительства. Ну а те – не звери – отпустили под подписку о невыезде. Да и мать, всё таки, замглавврача в горбольнице, её многие знают.

Саша: Да, мать замглавврача – это тоже хорошо. Это не то, что у меня, мать – уборщица, а отец – только отметка в свидетельстве о рождении.

Ну и что, ты порезал вены, чтобы оформили суицид?

Виктор: Да, брился в ванной и полоснул.

Саша: Хреново, что дома. Надо было в ментовке, чтобы они сами тебя сюда сдали. У нас один парень умудрился мойкой полоснуть себя по шее прямо в суде. Во шуму было. Отправили дело на дорасследование, а оттуда менты, чтобы не связываться, отправили его в дурдом.

Виктор: Как же он лезвие протащил?

Саша: Просто, сунул осколок под ноготь. Лезвия как раз надо немного, иначе сонную артерию порежешь, и амба.

А так он осколком поверху полоснул, задрал только шкуру, кровящи до хрена, артерии же целы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.